

*СТРУКОВА Татьяна Викторовна, кандидат филологических наук, доцент кафедры русского языка и литературы Орловского государственного института культуры. Автор 35 научных публикаций**

ЛИТЕРАТУРНЫЕ СТИХОТВОРНЫЕ ЗАГАДКИ НА СТРАНИЦАХ ПЕРИОДИЧЕСКИХ ИЗДАНИЙ КОНЦА XVIII века

В статье анализируются литературные стихотворные загадки анонимных авторов, изданные на страницах ежемесячных и еженедельных изданий в конце XVIII века («Что-нибудь», «Растущий виноград», «Прохладные часы», «Новые ежемесячные сочинения»). Жанр русской литературной стихотворной загадки, зародившись еще в середине XVIII столетия, так и не стал предметом специального научного исследования. Настоящая статья призвана восполнить пробел в изучении жанровой специфики литературной стихотворной загадки, в которой не только отразились когнитивная картина мира и мировоззренческие установки поэтов, но и нашли воплощение многочисленные художественные эксперименты. Без рассмотрения характерных особенностей этого жанра представление о литературном процессе второй половины XVIII столетия будет неполным. Мировоззренческие и эстетические установки, несомненно, отразились в стихотворных загадках. В загадках авторов, сотрудничавших с журналами «Что-нибудь» и «Растущий виноград», прослеживаются фольклорные истоки на уровне тематики (изображение объектов предметно-бытовой сферы) и способов создания энигматического образа (использование когнитивных метафор, оксюморона, отрицательного параллелизма). Вместе с тем загадки анонимных авторов существенно отличаются от народных загадок по своей нарративной структуре и композиционной организации. Большинству загадок, напечатанных в вышеназванных журналах, свойственна познавательно-эвристическая направленность. В загадках журналов «Прохладные часы» и «Новые ежемесячные сочинения» наряду с описанием объектов материального мира и репрезентацией эмпирических категорий, чем обусловлено использование приемов имплицитного описания (антитезы и сравнения), не типичных для жанра народной загадки, представлены и этико-философские понятия. Основной специфической чертой этих энигматических текстов является функция назидательного воздействия на читателя.

Ключевые слова: *литературная стихотворная загадка, фольклорная традиция, литературная традиция, интерпретационное поле, энигматический образ.*

*Адрес: 302020 г. Орел, ул. Лескова, д. 15; e-mail: tatam08@rambler.ru

Для цитирования: Струкова Т.В. Литературные стихотворные загадки на страницах периодических изданий конца XVIII века // Вестн. Сев. (Арктич.) федер. ун-та. Сер.: Гуманит. и соц. науки. 2018. № 1. С. 138–147. DOI: 10.17238/issn2227-6564.2018.1.138

В современной отечественной науке загадка рассматривается преимущественно как жанр устного народного творчества. Однако еще в середине XVIII столетия в России зарождается жанр литературной стихотворной загадки. Первые стихотворные загадки были опубликованы в журнале «Ежемесячные сочинения, к пользе и увеселению служащие» в 1755–1756 годах, а их авторами выступили А.А. Ржевский, А.П. Сумароков, М.М. Херасков, которых по праву можно назвать родоначальниками жанра.

Вслед за «Ежемесячными сочинениями» в 1750–1770-х годах к публикации произведений этого жанра обратились журналы «Свободные часы», «Полезное увеселение», «Праздное время, в пользу употребленное», «Доброе намерение», «Вечера», «И то, и се», а также рукописный журнал «Труды четырех общников», издававшийся Н. Львовым. На страницах этих уникальных изданий публиковались загадки не только известных, но и второстепенных поэтов, таких как М.И. Попов, П.И. Фонвизин, В.Д. Санковский и др.

Содержание и тематика загадок, их функциональное назначение во многом определялись стратегией журналов, их идеологической направленностью. И если в загадках поэтов, печатавшихся в «Ежемесячных сочинениях», преобладало описание объектов материального мира, то для загадок авторов, сотрудничавших в «Свободных часах» и «Полезном увеселении», было характерно изображение абстрактных категорий и понятий. Так, например, в загадках А.И. Дубровского получили воплощение его естественно-научные воззрения, философия рационализма, а в загадках А.А. Ржевского – масонские умонастроения. Именно эти периодические издания «обогатили русскую словесность внушительным количеством имен, среди которых было немало будущих корифеев» [1, с. 65], а журнал «Полезное увеселение» по праву можно считать первым русским

литературным печатным органом, знаменующим собой зарождение и становление масонского течения в русской поэзии [2, с. 108].

Расцвет жанра русской литературной стихотворной загадки приходится на последнюю четверть XVIII века. В 1780–1790-х годах загадки публиковались в журналах «Лекарство от скуки и забот», «Вечерняя заря», «Покоящийся трудолюбец», «Уединенный пошехонец», «Иртыш, превращающийся в Иппокрену», «Зеркало света», «Что-нибудь», «Растущий виноград», «Новые ежемесячные сочинения», «Дело от безделья или приятная забава», «Разные письменные материи», «Приятное и полезное препровождение времени», «Прохладные часы, или Аптека, врачующая от уныния», «Санкт-Петербургский журнал, издаваемый И. Пниним» и др. Содержание и тематика этих энигматических произведений, их функциональное назначение также определялись политикой изданий и мировоззренческой позицией их авторов, которые воспринимали загадку не только как развлечение и средство заполнения досуга, но и как способ дидактического воздействия, как познавательно-эвристический жанр.

В докторской диссертации А.Г. Масловой, объектом изучения которой является система поэтических жанров поэтов сумароковского и херасковского направления, отмечаются жанры басни, эпиграммы, эпитафии и загадки как поэтические формы, «отражающие немаловажную роль в мироощущении поэтов обличительных и дидактических элементов» [3, с. 103].

Загадки, печатавшиеся, как правило, анонимно на страницах журналов конца XVIII столетия¹, в основном принадлежали перу второстепенных поэтов (П.М. Карabanов, И.Б. Лафинов, Н.М. Яновский, М.В. Сушков и др.), занимавшихся литературной деятельностью эпизодически. Именно потому поиск и систематизация текстов русских литературных стихотворных загадок, разбросанных по страницам десятков ежемесячных и еженедельных журналов,

¹Подобная тенденция была характерной чертой русской поэзии XVIII века: литературные произведения часто публиковались либо без указания фамилии автора, либо под псевдонимом, либо с указанием лишь инициалов.

представляют определенные сложности. Возможно, именно в связи с этим обстоятельством русская литературная стихотворная загадка до сих пор так и не стала объектом специального изучения. Вопрос о художественном своеобразии русских литературных стихотворных загадок лишь эпизодически затрагивается в кандидатской диссертации Е.А. Морозовой, где дается тематическая классификация некоторых загадок [4, с. 32–38].

Актуальность изучения русских литературных стихотворных загадок, опубликованных на страницах периодических изданий конца XVIII века, обусловлена отсутствием научно-исследовательских работ по данной теме. Без раскрытия характерных особенностей жанра стихотворной загадки представление о литературном процессе второй половины XVIII века будет неполным. В статье поставлены следующие задачи: выявить специфику построения кодирующей части литературных стихотворных загадок и приемы создания энигматического образа. Цель исследования – охарактеризовать структурно-композиционные и функциональные особенности литературной стихотворной загадки, определить ее отличия от фольклорной загадки. Для реализации поставленной цели в статье применяется совокупность исследовательских методов (историко-литературный, историко-типологический и структурно-семантический), что позволяет осуществить комплексный подход к изучению литературных стихотворных загадок, напечатанных на страницах периодических изданий конца XVIII века.

В конце XVIII века жанр литературной стихотворной загадки становится популярным в журналах самой разной тематической и идеологической направленности: от литературных и научно-популярных до сатирических и даже альманахов. И здесь особо следует сказать о художественной стратегии еженедельного

издания «Что-нибудь», выходявшего в 1780 году в Санкт-Петербурге. Издателем его был В.А. Левшин, который в предисловии сообщал, что «предполагает следовать сатирическим журналам 1769–1772, особенно “Всякой всячине”»². В 20-м номере журнала он поместил 5 загадок, напечатанных анонимно и без отгадок, среди которых особый интерес представляют загадки о жизни и смерти.

Репрезентируя в завуалированной форме концепт смерти, анонимный автор опирается на фольклорную традицию, что прослеживается на уровне образной системы произведения: «Меня никто еще от века не видал, / И гласа моего поныне не слыхал; / Хоть я не говорю, меня все разумеют, / И в первых обо мне реченье имеют; / Послушен мне и Царь; / Равно над всеми я владею. / Закон мой чтит равно вся движущая тварь / И разности ни в ком отнюдь я не имею. / Когда ж доволен я тогда и замолчу; / Не смеет презирать никто мои уставы; / Как я вооружусь, / Не защитят того уж никакие нравы / Коль данью усмирюсь; / А оной каждый день от всех людей хочу. / Без ней героев я превозмогаю, / Сильнейши войска побеждаю. / И думает иной, / Что храбрый я герой: / Ан нет / Однако платит дань мне целый свет»³.

Подобно фольклорным загадкам в этом довольно объемном поэтическом тексте указывается на универсальность репрезентируемого феномена, подчеркиваемую автором на композиционном уровне посредством введения лексических повторов: «все разумеют», «над всеми я владею», «вся движущая тварь», «от всех людей хочу»; «равно владею», «чтит равно».

В народных загадках с одноименной отгадкой глобальность умозрительного понятия также конкретизируется посредством использования приема повтора: «На море, на океане, / На острове Буяне / Сидит птица Ютрица. / Она хвалится, выхваляется, / Что все видала, / Всего много едала. / Видала царя в Москве, / Короля

²Что-нибудь [СПб., 1780] // Русская периодическая печать (1702–1894): справ. М.: Гос. изд-во полит. лит., 1959. С. 61.

³Что-нибудь. СПб., 1780. Неделя XX. Лист XX. С. 7.

в Литве, / Старца в келье, / Дитя в колыбели; / А того не едала, / Чего в море недоставало»⁴; «На поле на тетенском, / Стоит столб веретенской; / Никто его не обойдет, не объедет: / Ни царь, ни царица, / Ни красна девица»; «На горе Вольнской / Стоит дуб Ордынской; / На нем сидит птица Веретено, / Сидит и говорит: / Никого не боюсь: / Ни царя в Москве, / Ни короля в Литве»⁵. И в литературной, и в фольклорных загадках прием повтора используется для акцентирования внимания читателей на наиболее важных моментах предметно-речевой композиции: всеобъемлющем характере представленного феномена.

Однако при наличии сходства образных компонентов (например, упоминание образа царя) и композиционной модели приведенных загадок их интерпретационное поле содержит ряд принципиальных различий. В тексте литературной загадки отсутствует мифологическая персонификация энигмата (объекта действительности, закодированного в загадке) [5], которая свойственна народным загадкам. Конкретизация абстрактного понятия осуществляется автором посредством расширения характеристик образного ряда: «героев я превозмогаю», «сильнейши войска побеждаю» и т. д. Свойственная фольклорным загадкам метафоризация действительности получает в литературной загадке иное художественное решение: универсальность и неотвратимость смерти истолкованы автором при помощи введения градации восходящего типа («я владею», «я превозмогаю», «побеждаю»).

Различия между загадками проявляются также и на уровне повествовательной модели: литературная загадка написана от 1-го лица, что обусловлено, во-первых, спецификой закодированного образа (его спекулятивностью), а во-вторых – отсутствием семантических аналогов и метафорических эквивалентов. В народных

загадках повествование ведется от 3-го лица, что также определяется художественными особенностями энигматических текстов, ориентированных на презентацию когнитивной картины мира и воспроизводящих мифологическое сознание русского народа.

Литературная загадка представляет собой суждение-противоречие, поскольку в ней содержатся противоположные умозаключения. В начальных строках поэтом констатируется бестелесность энигматического образа, что на композиционном уровне выражено при помощи использования приема отрицательного параллелизма: «Меня никто еще от века не видал, / И гласа моего поныне не слыхал». В последующих строках автором утверждаются абсолютное доминирование феномена в общем мироустройстве, его всеобъемлющая сущность и фатальность. Тем самым подчеркиваются неизбежность смерти, конечность человеческого существования. Избранные поэтом логическая и композиционная структуры обусловлены метафизичностью зашифрованного образа, не имеющего семантических аналогов и метафорических эквивалентов.

Кроме приемов повтора и отрицательного параллелизма для имплицитного описания абстрактных категорий авторами загадок, печатавшимися в журнале «Что-нибудь», используется антитеза для раскрытия неоднозначной сущности трактуемого образа: «Я смертным радости великие рождаю, / И ими иногда как куклами играю. / Я часто мучу их, терзаю, как хочу, / Они страдают мной, а я лишь хохочу; / Но я и в горести терпящему приятна; / А кто же счастлив мной, то счастье больше всех / Приятнее моих на свете нет утех; / Теперь я, кажется, всем стала уж понятна»⁶.

Присутствие в интерпретационном поле загадки контрастных понятий «радость» – «горесть» указывает на противоречие, заложенное

⁴Худяков И.А. Великорусские сказки. Великорусские загадки. СПб.: Тропа Троянова, 2001. С. 435.

⁵Садовников Д. Загадки русского народа. Сборник загадок, вопросов, притч и задач. СПб.: тип. Н.А. Лебедева; Изд-е А.С. Суворина, 1876. С. 251–252.

⁶Что-нибудь. СПб., 1780. Неделя XX. Лист XX. С. 7.

в основу представленного феномена. Жизнь трактуется поэтом как своего рода антиномия, как процесс, обладающий способностью вызывать разноречивые чувства и эмоции, для чего им используется лексика с антиномичной эмоционально-экспрессивной окраской. Особое значение для преобразования исходной ситуации загадки имеет экспликация введенного поэтом сравнения («как куклами играю»), подчеркивающего фатальность и предопределенность жизненного пути человека. Авторскую трактовку имплицитного образа отражает также введенная в текст градация восходящего типа: «рождаю» – «играю» – «хочу», раскрывающая его непредсказуемый характер.

Наряду с этико-философской тематикой загадкам авторов журнала «Что-нибудь» свойственна познавательная-эвристическая функция. Так, например, в загадке о солнце подробно излагаются перцептивные признаки небесного светила: «По утру над собой я власти не имею; / К полудню оную я начинаю знать, / А в вечеру от ней до тех пор я слабею, / Пока не придет час мне в одр ложиться спать»⁷.

По сути, в основе интерпретационного поля загадки лежит завуалированное описание восхода и заката. Подобную детализированность следует отнести к влиянию литературной традиции, поскольку для фольклорных загадок с одноименной отгадкой свойственны лаконичность и статичность образной структуры, а также сгущенная метафоризация. Ср.: «Из окна в окно / Золото бревно»; «Бурая корова через прясло глядит»⁸ и др.

Познавательная-эвристическая направленность характеризует и загадки из журнала «Растущий виноград» – первого педагогического издания в России. Журнал выпускался при Главном народном училище в Санкт-Петербурге с 1785 по 1787 год. В нем публиковались преимущественно переводные произведения и стихотворные

опыты студентов. Начав с публикации статей по естествознанию со ссылками на запрещенные духовной цензурой произведения Коперника и Фонтенеля, журнал довольно быстро скатился на охранительные позиции: «Каждый номер начинается с похвальной оды Екатерине или кому-либо из вельмож. С февраля журнал выступает против масонства (памфлет против масонов-мартинистов, напоминающий по стилю статьи Екатерины II во “Всеякой всячине”)⁹.

Для помещенных в этом издании загадок характерно преобладание естественнонаучной и предметно-бытовой тематики: в них изображаются насекомые, растения, атрибуты повседневного обихода. Создавая имплицитное описание образов, авторы загадок опираются на когнитивный опыт просвещенного читателя, иносказательно описывая предметы и явления, хорошо ему знакомые. При этом основной акцент делается на обрисовке перцептивных признаков объекта: «На муху видом я простую похожу; / Зимой покоюся, а летом все тружуся, / Во внутренности древ весь век свой провожу / И там искусный дом себе составить тщуся. / Летаю всюду я, летаю на цветы, / Беру с них сладость, цвет не портя красоты; / Имея яд в себе, сот сладкий составляю. / Сим пользую других, да и сама кормлюсь, / И первым от своих злодеев боронюся, / И, уязвляя их, сама я умираю»¹⁰.

В загадке представлена подробная характеристика энигмата, совмещающая импликацию его внешних (форма, размер) и внутренних (функции, происхождение) свойств, что, несомненно, следует отнести к влиянию литературной традиции.

В фольклорных загадках с идентичной отгадкой закодированные образы изображаются в предельно лаконичной форме и, как правило, посредством подбора метафорических эквивалентов: «Целый хлевец / Серых овец»; «Семидевки шли, / Семикрасны шли, / Волосник нашли:

⁷Что-нибудь. СПб., 1780. Неделя XX. Лист XX. С. 8.

⁸Худяков И.А. Великорусские сказки. Великорусские загадки. С. 436.

⁹Растущий виноград [СПб., 1785–1787] // Русская периодическая печать (1702–1894). С. 69.

¹⁰Растущий виноград. 1786. Сент. С. 56.

/ Семишелком шит, / Всему городу узор»; «Расставлю я ворота, / Выпущу кобелей бесхвостных»¹¹. Приведенные загадки отражают когнитивную картину мира в восприятии русского народа, что обусловлено основополагающей установкой жанра фольклорной загадки на «изображение реалий действительности, описание их признаков как существенных, узнаваемых всеми носителями соответствующей культуры» [6, с. 11]. Именно потому особое значение приобретает формирование в кодирующей части загадки определенного художественного стереотипа, который «позволяет выявить образы объектов и явлений действительности в совокупности актуальных характеристик» [6, с. 11].

Импликация внутренних свойств (функций и способов употребления) закодированного образа организует интерпретационное поле экзотической загадки о шелковом черве: «Родившись, дом себе я делать начинаю, / Чтоб в оном возмужать дать дальше плод. / Но самый же дом тот / Гробницей служит мне, других им украшаю»¹².

В этой загадке в иносказательной форме излагается процесс изготовления шелка, натуральной текстильной ткани животного происхождения, добываемой из кокона тутового шелкопряда – бабочки, «разводимой ради шелка, который получается из ее коконов»; шелкопряд «утратил способность летания, так как он известен <...> только в домашнем состоянии»¹³.

Для экспликации представленного в загадке феномена особое значение приобретает использование метафорических аналогов. Плотная шелковая оболочка кокона, которая формируется гусеницей, уподоблена в тексте «дому», а также – «гробнице». Введение автором подобного рода когнитивных метафор позволяет раскрыть уникальность процесса изготовления шелка.

Подобно предыдущей загадке здесь также отчетливо выражено познавательно-эвристическое

начало. В процессе поиска отгадки читатель выстраивает причинно-следственные связи, выделяет общие и отличительные признаки изображаемого объекта. И здесь, несомненно, прослеживается влияние фольклорной традиции, поскольку для правильного преобразования зашифрованного описания, данного в загадке, отгадчику «необходимо произвести ряд мыслительных операций, основанных на переименовании в сознании образных ассоциаций, возникающих в результате тесного взаимодействия отдельного фрагмента окружающей действительности, имеющего знаковое выражение, и всего объема знаний о мире», причем «такое декодирование возможно в условиях единообразного определения предмета представителями отдельной лингвокультурной общности» [7, с. 265].

Очевидно, что в загадке о шелковом черве автором сформулированы в завуалированной форме отдельные типичные свойства репрезентируемого объекта, которые затем выстраиваются в целостную систему. Создавая метафорическое описание энigmatа, поэт опирается прежде всего на познавательный опыт читателя. При этом наряду с когнитивными метафорами, в тексте присутствует семантическая оппозиция жизнь/смерть, также указывающая на специфические особенности представленного феномена, в частности на краткосрочность существования шелкового червя, жизненный цикл которого сводится к четырем этапам: яйцо, гусеница, куколка и бабочка.

Возвращаясь к анализу загадок, помещенных в журнале «Растущий виноград», следует отметить, что наряду с загадками естественнонаучной тематики в нем присутствуют загадки о предметах быта и повседневного обихода, интерпретационное поле которых также отражает общественный когнитивный опыт. Сюда следует отнести загадку о ключе: ее интерпретационное поле содержит перечисление перцептивных признаков завуалированно представленного

¹¹Худяков И.А. Великорусские сказки. Великорусские загадки. С. 430.

¹²Растущий виноград. 1786. Янв. С. 90.

¹³Энциклопедический словарь Ф.А. Брокгауза и И.А. Ефрона. СПб.: Брокгауз-Ефрон, 1902. Т. XXXI. С. 253.

образа. Основной акцент сделан автором на импликации внутренних свойств феномена (его функций и способов употребления): «Я стерегу, когда на страже не бываю, / На страже ставши, я не в силах устеречь: / Уйду я, крепко все; приду, все послабляю. / Кому что стерегу, тот должен мя беречь»¹⁴.

С точки зрения строения логической структуры эта загадка является суждением-противоречием, поскольку в ней одновременно утверждаются и отрицаются одни и те же качества зашифрованного объекта. К особенностям композиции этого художественного текста следует отнести употребление приемов повтора («стерегу», «стража») и контраста («крепкий»/«слабый»), позволяющих читателю понять специфику обращения с данным предметом.

Познавательнo-эвристическая направленность характерна и для загадок журнала «Прохладные часы, или Аптека, врачующая от уныния, составленная из медикаментов старины и новизны, то есть: философских, критических, рифмованных, пастушьих и аллегорических веществословий», издававшегося в 1793 году в Москве А.Г. Решетниковым, считавшим, что произведения искусства слова «нечувствительно научают нас убежать пороков и любить добродетель»¹⁵. В июньском и ноябрьском номерах этого журнала были помещены 12 стихотворных загадок, авторы которых неизвестны. В июньском номере преобладают загадки с познавательнo-эвристическим содержанием (о туче и дожде, о ключе), в ноябрьском – загадки этико-философской тематики и нравоучительной направленности (о времени, совести). Неизвестный автор этих произведений явно апеллирует к христианскому учению о совести, которая является даром Божиим для свидетельства Высшей правды.

В святоотеческой литературе указывается: «...в нас лежит естественный закон добра и зла <...> Бог при самом сотворении человека создал его знающим то и другое – это показывают люди <...> Итак, знаем мы, что такое порок и что добродетель. То же самое и Христос показывая, и объясняя, что Он заповедует не что-либо новое или превышающее нашу природу, но то, что искони уже вложил в нашу совесть...»¹⁶ Именно совесть свидетельствует о «богоподобии человека и необходимости исполнения заповедей Божьих», в совести ощущается не только «человеческая, но и выше-человеческая или божественная сторона»¹⁷.

В загадке из журнала «Прохладные часы» эта духовная категория трактуется в полном соответствии с библейской традицией как показатель нравственной ответственности и обязанности человека перед Богом и людьми: «Я есть и нет меня! – не быти не могу, / Вещаю правду всем – и никогда не лгу. / Когда б мой глас храни, / Все слушали меня, / Все б были Ангелы и рай была земля»¹⁸.

Особую нагрузку в тексте приобретают смысловые оппозиции: правда/ложь, рай/земля. Создавая зашифрованное описание энигмата, анонимный автор делает акцент на важности для человека способности оценивать свое поведение, мотивы и желания с позиции осознания собственного несовершенства. Совесть, по мнению автора, – это разговор человека наедине с самим собой. Ощущение собственного несовершенства и недовольство собой приводят человека к нравственным переживаниям, известным как «укоры совести» или «муки совести». Совесть является одним из даров, посланных человеку Богом, поскольку не дает ему окончательно свернуть на путь греха. Вот почему в тексте загадки возникают образы Ангелов –

¹⁴Растущий виноград. 1786. Сент. С. 55.

¹⁵Кукушкина Е.Д. Решетников А.Г. // Словарь русских писателей XVIII в. СПб., 2010. Вып. 3. С. 38.

¹⁶Иоанн Златоуст, свт. Творения. СПб., 1902. Т. 2, кн. 1. Беседы о статуях. С. 151–152.

¹⁷Полный православный богословский энциклопедический словарь: в 2 т. СПб., Изд-во П.П. Сойкина. Т. 2. С. 2085–2086.

¹⁸Прохладные часы. 1793. Нояб. С. 397.

безгрешных, духовных существ, «одаренных высшим разумом, свободною волею и большим могуществом, всегда предстоящих пред престолом Божиим, служащих ему и прославляющих его»¹⁹, а также – рая, места вечного блаженства праведников.

Очевидно, что основным функциональным назначением этой загадки является не только проверка читателей на сообразительность, но и назидательное воздействие. К ее особым композиционным приемам следует отнести синтаксический параллелизм, который позволяет автору сделать смысловой и интонационный акцент на мысли о необходимости для каждого человека следовать нравственному закону и христианскому вероучению.

Определенная дидактическая функция свойственна и загадке о библиотеке (книгах), где автор обращает внимание на значимость знаний и образования в жизни каждого человека: «Кладбище мертвых я, но зрению приятно; / Мои все мертвецы свободно говорят: / Но жаль, что слушать их не всякой хочет внятно, / А то бы всякой был умен, счастлив, богат»²⁰.

Особое место в амплификационной композиции этой загадки отведено метафоре и оксюморону, которые используются поэтом для обозначения дифференциальных свойств энигмата. Употребление метафорического эквивалента (уподобление книг «мертвецам») позволяет автору акцентировать внимание на том обстоятельстве, что имплицитный образ представляет собой объект неживой природы. При этом сочетание слов с несочетаемым значением («мертвецы свободно говорят») указывает на некоторую противоречивость энигматического объекта

и используется автором для раскрытия его антагонистических качеств. Наряду с контаминацией поэтом применяется прием повтора, для того чтобы подчеркнуть назидательный пафос загадки: «Но жаль, что слушать их не всякой хочет внятно, / А то бы всякой был умен, счастлив, богат». По сути, специфические признаки подразумеваемого объекта репрезентируются автором в первых двух строках, а в последующих выражается поучительная патетика.

Нравоучительная направленность определяет интерпретационное поле загадки анонимного автора, напечатанной в журнале «Новые ежемесячные сочинения»: «Я обществ тишина и царств земных покой. / Людей блаженными творит лишь промысл мой. / Где ж нет меня, мятеж и беспорядок там, / И смертных род во всем подобится зверям. / Кто истину хранит и любит добродетель, / Кто ходит в правоте и свято чтит меня, / Тому против всего я твердая броня: / Премногих смертным благ единый я содетель; / Последующим мне приятный вид кажу, / Противников моих в страх, в трепет привожу»²¹.

Использование развернутой системы антитез («тишина», «покой»/«мятеж», «беспорядок»; «блаженный»/«зверь»; «последователь»/«противник») определяется спецификой энигматов. Очевидно, что речь в загадке идет о вере в Бога и соблюдении закона Божьего. Упоминание автором «блаженных» людей, несомненно, отсылает читателей к содержанию Нагорной проповеди Христа²². Автор стихотворной загадки стремится донести до читателей мысль о том, что люди должны исполнять закон Божий, чтобы получить блаженную вечную жизнь в Царстве Небесном: «Радуйтесь и веселитесь, ибо

¹⁹Полный православный богословский энциклопедический словарь. Т. 1. С. 156.

²⁰Прохладные часы. 1793. Нояб. С. 398.

²¹Новые ежемесячные сочинения. СПб., 1786. Ч. 1. С. 87.

²²«1. Блажени нищии духом, яко тех есть царствие небесное. 2. Блажени плачущии, яко тии утешатся. 3. Блажени кротции, яко тии наследят землю. 4. Блажени алчущии и жаждущии правды, яко тии насытятся. 5. Блажени милостивии, яко тии помиловани будут. 6. Блажени чистии сердцем, яко тии Бога узрят. 7. Блажени миротворцы, яко тии сынове Божии нарекутся. 8. Блажени изгнани правды ради, яко тех есть царствие небесное. 9. Блажени есте, егда поносят вам, и ижденут, и рекут всяк зол глагол на вы лжуще, Мене ради. Радуйтесь и веселитесь, яко мзда ваша многа на небесех» (Матф. 5, 3–11).

велика ваша награда на небесах» (Матф. 5, 12). Все, кто будет следовать заповедям Христа, обретут нетленное блаженство в будущей вечной жизни: «Кто истину хранит и любит добродетель, / Кто ходит в правоте и свято чтит меня, / Тому против всего я твердая броня».

Наряду с образами праведников (блаженных людей) в загадке упоминаются грешники, которые преступают закон Божий и непременно будут наказаны за свои деяния, как говорит Священное писание: «Итак, кто нарушит одну из заповедей сих малейших и научит так людей, тот малейшим наречется в Царстве Небесном; а кто сотворит и научит, тот великим наречется в Царстве Небесном» (Матф. 5, 19).

Антитетичная композиция, избранная анонимным автором, свидетельствует о его стремлении отойти от прямого назидания и резонанса, воздействуя на разум читателя и побуждая его самостоятельно прийти к выводу о необходимости духовных ценностей бытия, необходимости соблюдения евангельских заповедей. Согласно христианской антропологии, «если человек сознательно и свободно стремится к осуществлению воли Божией, то он получает для этого и благодатные силы, и возможности; если же его выбор отклоняется от воли Божией, то и возможности для реализации уменьшаются в той степени насколько намерение противоречит воле Божией...»²³

Анализ литературных стихотворных загадок, изданных на страницах периодических журналов конца XVIII века, предпринятый в данной статье, позволяет сделать ряд выводов. В творчестве поэтов, сотрудничавших с журналами «Что-нибудь» и «Растущий виноград», преобладают загадки этологической тематики, что указывает на присутствие в них фольклорной традиции, следование которой проявляется также на уровне образной системы и способов создания интерпретационного поля. В загадках анонимных авторов активно используются такие художественные средства, как метафора и отрицательный параллелизм. Однако при наличии сходства смысловых компонентов литературные стихотворные загадки, опубликованные на страницах вышеназванных журналов, существенно отличаются от народных загадок по своей композиционной структуре, повествовательной модели и функциональной специфике.

В загадках, изданных в журналах «Прохладные часы» и «Новые ежемесячные сочинения», преобладает нравственно-философская тематика. В них репрезентированы этико-эстетические категории и спекулятивные понятия, а в качестве способов создания имплицитного образа активно используются антитезы и сравнения, нетипичные для жанра народной загадки. Функциональным назначением этих энигматических текстов является назидательное воздействие на читателей.

Список литературы

1. *Гуковский Г.А.* Ранние работы по истории русской поэзии XVIII века. М.: Яз. рус. культуры, 2001. 352 с.
2. *Маслова А.Г.* Пространственно-временная картина мира в русской поэзии начала 1760-х годов (по материалам журнала «Полезное увеселение») // Вестн. Моск. гос. обл. ун-та. Сер.: Рус. филология. 2011. № 6. С. 107–112.
3. *Маслова А.Г.* Поэтика времени и пространства в русской поэзии последней трети XVIII в.: дис. ... д-ра филол. наук. Киров, 2014. 499 с.
4. *Морозова Е.А.* Романтическое движение в русской литературе XVIII – начала XIX вв.: творчество в «народном духе»: дис. ... канд. филол. наук. М., 2003. 154 с.
5. *Денисова Е.А.* Структура и функции энигматического текста (на материале русских загадок и кроссвордов): автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 2008. 226 с.
6. *Абдрашитова М.О.* Миромоделирующая функция жанра загадки в фольклорном дискурсе: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Томск, 2012. 23 с.
7. *Ларионова О.Н.* Когнитивная составляющая русских загадок // Вестн. Тюмен. гос. ун-та. 2010. № 1. С. 264–269.

²³*Леонов В., прот.* Основы православной антропологии: учеб. пособие. М.: Изд-во Москов. Патриархии Рус. Православ. Церкви, 2013. С. 122.

References

1. Gukovskiy G.A. *Rannie raboty po istorii russkoy poezii XVIII veka* [Early Works on the History of Russian Poetry of the 18th Century]. Moscow, 2001. 352 p.
2. Maslova A.G. Prostranstvenno-vremennaya kartina mira v russkoy poezii nachala 1760-kh godov (po materialam zhurnala "Poleznoe uveselenie") [Space-Time Image of the World in Russian Poetry in Early 1760s (Based on Materials of the Magazine "Useful Entertainment")]. *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo oblastnogo universiteta. Ser.: Russkaya filologiya*, 2011, no. 6, pp. 107–112.
3. Maslova A.G. *Poetika vremeni i prostranstva v russkoy poezii posledney treti XVIII v.* [Poetics of Time and Space in Russian Poetry of the Last Third of the 18th Century]. Kirov, 2014. 499 p.
4. Morozova E.A. *Romanticheskoe dvizhenie v russkoy literature XVIII – nachala XIX vv.: tvorchestvo v "narodnom dukhe"* [Romantic Movement in Russian Literature of the 18th – Early 19th Centuries: Creativity in the Spirit of the People]. Moscow, 2003. 154 p.
5. Denisova E.A. *Struktura i funktsii enigmaticheskogo teksta (na materiale russkikh zagadok i krossvordov)* [Structure and Functions of the Enigmatic Text (Based on Russian Riddles and Crosswords)]. Moscow, 2008. 226 p.
6. Abdrashitova M.O. *Miromodeliruyushchaya funktsiya zhanra zagadki v fol'klornom diskurse* [World-Modelling Function of the Genre of Riddle in Folklore Discourse]. Tomsk, 2012. 23 p.
7. Larionova O.N. Kognitivnaya sostavlyayushchaya russkikh zagadok [Cognitive Part of Russian Riddles]. *Vestnik Tyumenskogo gosudarstvennogo universiteta*, 2010, no. 1, pp. 264–269.

DOI: 10.17238/issn2227-6564.2018.1.138

Tat'yana V. Strukova

Orel State Institute of Culture;
ul. Leskova 15, Orel, 302020, Russian Federation;
e-mail: tatam08@rambler.ru

LITERARY RIDDLES IN VERSE ON THE PAGES OF PERIODICALS OF THE LATE 18th CENTURY

The article analyses literary riddles in verse by anonymous authors published on the pages of monthly and weekly periodicals in the late 18th century (*Chto-nibud*, *Rastushchy vinograd*, *Prokhladnye chasy*, and *Novye ezheemesyachnye sochineniya*). Having emerged in the mid-18th century, the genre of Russian literary riddle in verse had never been a subject of special research. This paper is intended to fill the gap in the study of the genre of literary riddle in verse, which not only reflects the cognitive worldview and vision of the poets, but also externalizes numerous artistic experiments. Without considering the characteristic features of this genre, the understanding of the literary process in the second half of the 18th century would be incomplete. Beyond all doubt, riddles reflected their authors' world outlook and aesthetic vision. In the riddles published in the magazines *Chto-nibud* and *Rastushchy vinograd*, folk origins can be traced on the level of subject matter (depiction of household items) and methods of creating enigmatic images (use of cognitive metaphors, oxymoron, and negative parallelism). At the same time, however, the riddles of anonymous authors differ significantly from folk riddles in terms of narrative structure and composition. Most of the riddles published in the aforementioned magazines have an informative and heuristic orientation. In addition to describing material objects and presenting empirical categories (hence the use of implicit description by means of antithesis and comparison), which are unusual for the folk genre, riddles in the magazines *Prokhladnye chasy* and *Novye ezheemesyachnye sochineniya* introduce ethical and philosophical concepts. The main specific feature of these enigmatic texts is their function of readers' edification.

Keywords: literary riddle in verse, folklore tradition, literary tradition, interpretive field, enigmatic image.

Поступила: 27.02.2017
Received: 27 February 2017

For citation: Strukova T.V. Literary Riddles in Verse on the Pages of Periodicals of the Late 18th Century. *Vestnik Severnogo (Arkticheskogo) federal'nogo universiteta. Ser.: Gumanitarnye i sotsial'nye nauki*, 2018, no. 1, pp. 138–147. DOI: 10.17238/issn2227-6564.2018.1.138